

Валентина Мусий,

д. филол. н., проф.,

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,

профессор кафедры мировой литературы

**«МАНАРАГА» В. СОРОКИНА КАК КНИГА О ПЕРЕВОДЕ ПИЩИ
ДУХОВНОЙ В ТЕЛЕСНУЮ**

Объектом работы является роман «Манарага» современного российского писателя, проживающего в настоящее время в Германии, Владимира Сорокина. Рассмотрен ряд вариантов интерпретации мотива приготовления героем романа пищи на огне шедевров мировой литературы. Цель работы – исследование авторской концепции. Применены мотивный, мифопоэтический, герменевтический методы исследования. Сделан вывод о связи между эпатажем и желанием автора вернуть созданию и чтению книги статус высокого искусства.

Ключевые слова: *роман, мотив, авторская концепция, мифопоэтика, Валентин Сорокин*

Еда является обязательным условием существования живых организмов вне зависимости от их вида, уровня развития их разума, степени их духовности. В гуманитаристике сформировался целый ряд дискурсов

толкования концепта «еда». Характеризуя их, **Юлия Щербинина** пишет, что «в философии культуры еда и связанные с ней образы традиционно рассматриваются как концептуальная метафора начала и конца, жизни и смерти, появления и исчезновения»; в психологии «пищевая метафорика представляется отражением социализации – встраивания человека в окружающий мир»; в культурологии и этнографии «гастрономические и кулинарные метафоры осмысляются как составляющие “пищевого кода” того или иного народа (национальный пищевой код) либо ныне существующей цивилизации в целом (культурный код общества сверхпотребления)» [11]. Мотив поедания пищи является одним из наиболее широко распространенных в литературе. Как замечает **Евгения Капелюшник**, «концептуальная сфера “ЕДА” служит богатым источником метафорической интерпретации различных сфер действительности, средством метафорической характеристики человека и его свойств» [4, с. 11]. Поэтому изучению мотива и концепта «еда» как в устном народном творчестве, так и в художественной литературе посвящено значительное число работ ученых-филологов. Среди них и те, что появились в последние несколько лет [1]. Заслуживают внимания попытки объединения наблюдений ученых, представляющих разные направления гуманитаристики. Назовем хотя бы интердисциплинарный сборник статей «Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда», в котором опубликованы материалы нескольких конференций, организованных РАН [6]. Еда в нем рассматривается как одна из главных составляющих системы аксиологических ориентиров человечества. И в то же время необходимо признать, что по-настоящему концептуальный подход к кулинарному коду в языке и литературе еще только зарождается.

Значимость питания как неперемennого условия продолжения жизни является причиной первостепенности темы еды в произведениях футурологического жанра. Как, к примеру, в постапокалиптическом «Кысь» **Татьяны Толстой**. Уже первый абзац романа представляет собой картину

кулинарных фантазий героя. Бенедикт, разглядывая черных зайцев, перепархивающих с верхушки на верхушку высоченных кленов, мечтает о новой шапке и «мясце» вместо приевшихся мышей. И вспоминает рецепт приготовления этих летающих зверьков: *«Если мясо черного зайца как следует вымочить, да проварить в семи водах, да на недельку-другую на солнышко выставить, да упарить в печи, – оно, глядишь, и не ядовитое. Понятно, если самочка попадет. Потому как самец, его вари не вари – он все такой же»* [9, с. 5]. В последнем романе **Владимира Сорокина** «Манарага» не идет речь о такой экзотической пище, как черви, мыши или черные летающие зайцы. Главным образом потому, что в нем характер будущего не является последствием взрыва, вызванного «игрой» людей с «АРУЖЫЕМ» [9, с. 5], изменившего не только их облик (уши или гребни по всему телу и т.д.), но и кулинарные пристрастия. Будущее в романе **Владимира Сорокина** – очередная ступень технического процветания человечества. Едят в нем то же, что и раньше: шашлык, осетрину, стейк, креветок.... Среди прочих в книге приводится знакомый любому одесситу рецепт приготовления фаршированной куриной шейки (гефилте гелзеле): *«Шесть кусков кожи, снятой чулком с куриных шей, 200 г куриной печени, 200 г куриных сердец, 200 г куриного жира, 3 луковицы, 100 г муки, соль, молотый черный перец. Сердца отварить и мелко нарезать, печень обжарить на сковороде и мелко нарезать, лук нарезать мелкими кубиками...»* [8, с. 154 – 155]. И далее все по известному рецепту. Однако и в созданном фантазией **Владимира Сорокина** будущем с едой связана экзотика, поскольку изысканной считается пища, приготовленная на огне от книг. В частности, куриная шейка, о которой речь шла выше, была изготовлена на «Одесских рассказах» **Исаака Бабеля** по заказу главы еврейского семейства. Девяностодвухлетний Иосиф, родившийся в Одессе в тяжелые послевоенные годы, навсегда запомнил, как в «*один прекрасный день, на Пейсах*» его семье «*улыбнулось счастье: они достали курицу*». Теперь он решил сделать подарок уже своим детям и внукам: «модный book'n

grill». И в сопровождении повествования о расстрелянном Сталиным Бабеле в присутствии клиентов повар готовит на огне от любимой книги сабы Иосифа подрумяненные куриные шейки. Причем, как следует из исповеди героя, процедура сжигания раритетов в кулинарных целях преследуется законом, но это лишь усиливает влечение к такого рода еде. *«Люди всегда тянутся к запретному плоду»*, – замечает он [8, с. 15]. И признается, что и сам считает, что жизнь без риска – то же, что поедание овсянки с джемом [8, с. 16].

Главным героем произведения является повар по имени Геза. Его считают русским, поскольку он готовит на русской классике, а мир, к которому он принадлежит, обозначает национальность повара по тому, на литературе какой страны он специализируется [8, с. 19]. Сам Геза, человек, профессионально занимающийся созданием еды, тоже оценивает людей по их пищевым пристрастиям. Так, к примеру, о закрытости русских, как подсказал Гезе один из его клиентов, свидетельствует невозможность понять, из чего они готовят свои блюда: *«Вы никогда не узнаете, что содержит в себе салат оливье, из чего сварена solyanka, чем наполнены pirozhki и что внутри kulebyaki»* [8, с. 56]. На основе того, что масса норвежцев в Рождество предпочитает есть вяленую треску, вымоченную трое суток в растворе соды, а затем припущенную в воде, герой выводит такую их национальную особенность, как склонность к метафизике. Он поясняет, что запах этого блюда, напоминающий *«о городской канализации»*, и вкус, заставляющий вспомнить, что *«все мы смертны»* [8, с. 59], помогли ему заглянуть в *«бездны загадочной норвежской души»* [8, с. 60]. И историю Геза толкует в соответствии со своими кулинарными представлениями, мифологизируя непонятное в ней. К примеру, ожидая дозаправки самолета в Санкт-Петербурге и прислушиваясь к писку ученой блохи, он представляет себе, как именно Петром I *«на костях русских крестьян»* был построен город. Оказывается, *«крестьян в то время целыми деревнями сгоняли, вываривали в огромных котлах, кости дробили, мололи в муку, добавляли образовавшийся*

во время варки клей, гальку и получали так называемый русский бетон. Из этих бетонных блоков сложен фундамент Санкт-Петербурга», – заключает он [8, с. 164].

Геза, безусловно, имеет представление о книгах, на которых он готовит, и об их авторах. Но главным образом не потому, что читал их, то есть ознакомился с их содержанием, прилагая к этому процессу зрительные и умственные усилия. Мы в данном случае употребили глагол «читать» не в том смысле, какой ему придают в воссозданном в романе будущем, а в том значении, которое ему придавалось в прошлом для героев романа и которое привычно для нас, читателей **Владимира Сорокина**. Гезе удастся узнать о содержании сжигаемых во время book'n grill книг благодаря своим ученым блохам, приносящим ему из информационной паутины Интернета любые сведения. У него, кстати, есть любимый автор, но не русский. Геза любит **Пелама Г. Вудхауса** и представляет себе свою будущую жизнь, ориентируясь на одного из самых популярных его героев Дживса. Правда, складывается представление, что знаком он не непосредственно с самими произведениями английского писателя, а со снятым на их основе сериалом.

Как и подобает профессиональному повару, Геза оценивает книгу по ее весу, переплету, качеству бумаги. Его труд не прост. *«Опытный мастер, – делится секретами профессии Геза, – обязан просчитать весь процесс как шахматную партию и хладнокровно балансировать над пропастью. Переплет, капитал, коленкор, картон, марлевые клапаны, пеньковый шнур, закладки, казеиновый клей, засушенные цветочки, книжные вши, клопы или тараканы в корешке – все это скрытые угрозы. Их необходимо учитывать. Однажды, сообщает он о трудностях своей профессии, у одного повара вспыхнула микропенка, о которой он ничего не знал, поскольку она была вделана в корешок когда-то давно, еще в середине XX века. «Малейшая оплошность, неуверенность или самоуверенность – и катастрофа неизбежна, – признается Геза. – Моя профессия сопряжена с риском. В лучшем случае это потеря денег, вино в лицо, удары дорогой посудой по*

голове. В худшем – мягкая, а зачастую и твердая пуля» [8, с. 7-8]. В таких обстоятельствах главным божеством для повара становится огонь. Герой романа признается, что не может с уверенностью судить, верит ли он в Бога. Он лишь чувствует наличие Фатума. Поэтому, как древний язычник, прославляет огонь. «Слава огню, – говорит он, – за эти девять лет я научился правильно обращаться с книгами» [8, с. 9]. Или в другой раз: «Слава Огню, я умею работать с любым материалом в любых условиях» [8, с. 140].

Наподобие Рудого Панька в цикле **Николая Гоголя**, он считает необходимым пояснить читателю смысл наиболее употребительных в его среде слов. Приведем ключевые: *мокрые книги* – книги, которые забрали у владельца, при этом убив его [8, с. 19]; *великие книги* – книги, которые долго и хорошо горят (например, «Ада» **Владимира Набокова**) [8, с. 120]; *читать* – готовить пищу на огне от сжигаемых книг [8, с. 16]; *читатель* – повар-профессионал, приготавливающий пищу на огне от книг; *полено* – экземпляр книги, на огне которой готовится пища; *дрова* – книги; *кладня* – тираж [8, с. 118]; *бабочки* – оставшиеся не сгоревшими полосы у корешка книги [8, с. 175]; *головешки* – оставшиеся не сгоревшими острова в середине страницы [8, с. 175 – 176]; *читальни* – места, где можно тайком от полиции наблюдать за приготовлением пищи на огне от книг и съедать ее; *почтальон* – лицо, которое доставляет приобретенную читателем книгу к тому месту, где будет готовиться пища; *чтение по диагонали* – максимально быстрое приготовление пищи, если книга издана на тонкой бумаге; это «высший пилотаж», доступный только «мастерам» [8, с. 53]; *откинуть спагетти* – исчезнуть от *санинспекторов*, преследующих *читателей* [8, с. 57]; *смалец* – взятка, которую приходится давать, чтобы избежать необходимости откидывания спагетти [8, с. 58]; *графоманы* – читатели-самозванцы [8, с. 114]; но есть и писатели-самозванцы, и то, что они сочиняют, именуется *валезник*. «Периодически, – сообщает Геза, – возникают новые флоберы, *достоевские или кафки и требуют обслужить их, приходя к нам со своими*

дровами. Беда в том, что это – не канонические дрова, а новый валежник, выращенный ими на своем огороде. Кухня нужна им для легитимации в собственных глазах и среди окружающих их безумцев» [8, с. 141 – 142].

Профессией героя допускается двойственность толкования одного и того же выражения. Так, для него *яркая книга* – это а) поражающая внимание читателя; б) хорошо пылающая. И наконец, *брикет* – молекулярная копия книги, выдаваемая за настоящий раритет [8, с. 119]. Именно появление брикета и становится в романе завязкой детективной линии.

Узнав, что в пещере Манараги налажено производство молекулярных копий «Ады» **Владимира Набокова**, корпорация поваров дает Гезе задание проследить за уничтожением машины, работа которой подрывает основы чтения как процедуры для избранных. Однако в конечном итоге тот срывает задание. Здесь читателю становится понятным название романа **Владимира Сорокина**. Попробуем прокомментировать возможные варианты его прочтения. Во-первых, фабульный план активизирует в воображении читателя ситуацию, знакомую по произведениям приключенческого жанра, того же **Яна Ланкастера Флеминга**, в романах которого возможно столкновение агента 007 с противником, который прячет в шахте горы ракетное или биологическое оружие. Джеймс Бонд обнаруживает, откуда исходит угроза, и спасает мир. Правда, следует признать, что герой «Манараги» в конечном итоге не выполняет задание, перейдя на сторону противника Кухни (таково одно из толкований развязки романа). Возможно и мифопоэтическое прочтение «Манараги». Гора в мифологической модели мира традиционно является *axis mundi*, центром мира (другие варианты в древних мифологиях – мировое древо, зиккурат, столб; в христианстве – храм). Этой же символикой наделена рукотворная гора – пирамида, «первая структура, служащая хранилищем тех секретных истин, которые являются основанием всех искусств и наук». «Через мистические проходы и камеры Великой Пирамиды, – пишет **Мэнли Палмер Холл**, – проходили инициированные древности. Они входили как люди, а выходили, как боги» [10,

с. 134 - 135]. В романе **Владимира Сорокина** герой направляется к Манараге в качестве одного из наиболее верных агентов Кухни, но, оказавшись внутри горы, превращается в союзника Арни, человека, организовавшего молекулярное копирование раритетного издания «Ады» **Владимира Набокова** и уже готового создавать копии Рабле, Библии, Авесты и т. д. Образ молекулярной машины, в уничтожении которой он должен был принять участие, в его воображении теперь сливается с волшебной гусеницей «с совершенным мозгом и сильным телом», которая, «раздвигая время и пространство», «вползает в сияющее будущее» [8, с. 238], поскольку теперь стало возможным готовить пищу не на раритетных изданиях, а на их точных копиях. Комментируя финал своего романа, писатель заметил: «Совершенно неожиданно для себя герой перешел в другое состояние, как бы изо льда стал паром» [3]. Итак, речь идет о переживании героем перехода в иное состояние, перемене его статуса, что, собственно, является одним из вариантов ритуала инициации. И, наконец, аксиологический код прочтения названия романа В. Сорокина. Заметим, что в названии книги и ее обложке задан образ реально существующей вершины на Приполярном Урале. Она выделяется своей величественностью и обособленным положением. Таким образом, задается смысл: «абсолютное в своем совершенстве». Ясно, что абсолютизируется при этом ценность книги.

В таком случае у читателя «Манараги» закономерно возникает вопрос, чем вызван ключевой мотив произведения – приготовление пищи на огне книг? Вариантов ответа много. Самый простой заключается в признании того, что писатель в очередной раз эпатирует публику, преподнося ей еще один текст «шокинг-прозы», как иногда именуют литературу постмодернизма. Однако это самое примитивное толкование. Возможно и иное объяснение, предполагающее использование писателем игровых стратегий: он обнажает становящиеся все более знаковыми для человечества процессы возведения в культ материального. «Современная трапеза, - пишет об этой стороне нашей жизни **Юлия Щербинина**, все более

визуализируется и формализуется – превращается в перформанс, спектакль, шоу. Еда становится способом самовыражения человека. <...>. Составляющими понятия “красиво жить” становится “красиво готовить”, “красиво подавать” и “красиво есть”» [11]. Кроме этого, наделение героя романа профессией повара, готовящего на книгах, дало возможность автору высказаться не только по отношению к публике, заказывающей book'n grill, но и в адрес авторов книг. Заметим, что Геза использует в работе только подлинные шедевры. Искусство на сжигании какого-нибудь северного детектива XXI века «про сто пятьдесят оттенков посредственности» [8, с. 7], признается герой романа, невозможно. Он помнит напутствие своего учителя, предупреждавшего, что один раз можно «пожарить» на «пошлятине». К разряду пошлятины он отнес следующее: «молодая (пожилая) героиня, мучительно вглядывающаяся в окна уходящего (прибывающего) поезда и повторяющая словно в бреду: “Он все-таки уехал (приехал)”» [8, с. 22]). Но, учил наставник, ни в коем случае нельзя готовить на «литературе второго сорта». К примеру такой: *«Массивный и невозмутимый, как каменная глыба, бармен с неизменной зубочисткой в зубах, протягивающий десять долларов Стивену со словами: “Ступай, засранец, купи себе чего-нибудь пожрать”»* [8, с. 22]). Итак, приводятся примеры шаблонных фраз и общих мест в книгах – то, что не позволяет судить о написанном как о литературе. Или же пародируются произведения современников **Владимира Сорокина**, отнесение которых к категории «литература» для него неприемлемо. К числу пародий относится, к примеру, следующий фрагмент, являющийся стебом над текстами **Захара Прилепина**: «Толян брел наугад по осеннему лесу. Обсосанные хмарью деревья толпились, словно скелеты великанов. Небо набухало. Вдруг нога подфутболила что-то живое в пожухлой траве: еж! Толян присел на корточки, взял в руки колючий клубок. И сразу печаль упала на него с серого неба. *«Я тоже еж, – подумал он. – Только иглы свои порастерял. А новые ни хера не отрастают»* [8, с. 131 – 132]. *«Нет, – на таком не жарю, – заявляет герой «Манараги» предлагающему купить это*

«творение». – *Ты же знаешь, наш век – не мое чтение. Предложи македонцам. У них в горах есть клиентура на постсоветский валежник*» [8, с. 132]. Однако, думается, и не литературная полемика является целью автора романа. Смыслы, которые открывает его внимательное прочтение, гораздо серьезнее и имеют универсальный характер.

Начнем с того, что **Владимир Сорокин** возвращает своего читателя к мифопоэтическому толкованию еды. И это уже не впервые. Сошлемся хотя бы на одно из последних его произведений – «Сахарный Кремль», где поедание изображения Кремля из сахара приравнивается к причастию в храме. Вбирая в себя часть символа государства, персонажи книги становятся еще ближе этому государству. Известно, что одна из главных особенностей мифопоэтического миропонимания коренится в системе тождеств (реального и идеального, внешнего и внутреннего, части и целого). Следуя этой системе, мы понимаем, что приготовление еды на книге – это своего рода ритуал, который направлен на полное приобщение того, кто поедает пищу, этой пище. Участник book'n grillя буквально вбирает в себя книгу, она становится частью его «я». Заметим, что клиенты, для которых готовит Геза, разные. Среди них – бандиты, богема, просто очень богатые люди, которым хочется утвердиться в собственных глазах, предаваясь запретному, но в то же время дорогостоящему и модному занятию. Но есть среди них и доморощенные писатели, которые, благодаря «чтению» ставших классикой книг, создают для себя иллюзию полного вхождения в пространство мировой культуры. Как, к примеру, клиент, именующий себя графом Толстым. «*Очень, очень похож, –* отмечает Геза. – *Борода, нос широкий, кустистые брови. И глубокий, умный взгляд*» [8, с. 64]. Полено, то есть книга, на которой следовало герою на этот раз готовить («читать»), – сочинение самого клиента, законченное им накануне book'n grillя. Героем этого опуса, стилизованного под произведения **Льва Толстого**, является сам великий писатель, который приходит по весне к ожидающему его народу. Отдохнув, он обращается к людям с уроком: «*Сейте добро, кропите добро, растите добро, жните добро, сушите добро,*

молотите добро, ссыпайте добро (...). Добро нам дается, чтобы со злом бороться, сила добра не имеет dna...» и т. д. [8, с. 83]. На этом-то «полене» и готовит Геза для хозяина дома, его жены Сонечки и дочери Татьяны три морковные котлеты, используя для жарки казацкую саблю XVIII века, поскольку тонкой сковороды у питающихся простой крестьянской едой новых Толстых не оказалось. *«К котлетам, – вспоминает Геза, – подали кислую капусту, хрен, черный хлеб и воду. После подачи я хотел закрыть жаровню, чтобы ветер, гуляющий по веранде, не разнес пепел, но клиент запретил. Котлеты поедались молча, черные хлопья кружились над столом. За окнами прохладнело и сгустились тучи. Слуга принес три шубы и заботливо накинул на плечи сидящих».* А дальше новоявленный автор, именующий себя Толстым, задается вопросами: *«Сколько человеку еды нужно? Сколько человеку нужно воды? Сколько человеку нужно воздуха? Сколько человеку нужно одежды?...»* [8, с. 93]. И читатель угадывает аллюзию на рассказ «Много ли человеку земли нужно» **Льва Толстого** Однако, поторим, несмотря на безусловное обыгрывание **Владимиром Сорокиным** толстовских текстов, у нас есть основания предположить, что речь может идти о мифопоэтическом толковании поедания как приобщения к сакральным ценностям.

В этом отношении показательно уподобление **Николаем Гоголем** сочинительства кормлению сладостью. Сосредоточив внимание на этой особенности «Вечеров на хуторе близ Диканьки» **Николая Гоголя**, **Леонид Карасев** приводит в качестве подтверждения своих наблюдений библейский образ съдаемой книги Истины и цитирует фрагмент «Откровения» св. Иоанна Богослова: *«И взял я книжку из руки Ангела и съел ее; и она в устах моих была сладка, как мед; когда же съел ее, то горько стало во чреве моем (ОТК. 10, 10)».* И далее комментирует его применительно к автору «Вечеров...». *«Своим “сладким” словом, – пишет Леонид Карасев, – Гоголь намеревался наполнить души читателей “горечью” истины, которая подвигла бы их на путь исправления и очищения от греха».* А далее

добавляет, что и слово священника к пастве именуют «окормливающим»: он, как кормчий, направляет своих слушателей и одновременно наполняет их истиной. «Слушать священника, – замечает литературовед, – значит питаться правильной духовной пищей» [5, с. 186]. Но это относится не только к слову, которое произносится в храме. Карнавал как переломный момент в состоянии мира, точка перехода к его обновлению предполагает ритуальный характер каждого его элемента, в том числе и слова. Как заметил **Михаил Бахтин**, пир является «*существенным обрамлением мудрого слова, речей, веселой правды*» [2, с. 313]. «*Пир и пиршественные образы, – писал ученый, – были наиболее благоприятной средой для абсолютно бесстрашной и веселой истины. Хлеб и вино (побежденный трудом и борьбой мир) разгоняют всякий страх и освобождают слово. (...). Эта победа над миром в акте еды была конкретной, осязательной и материально-телесной; ощущался сам вкус побежденного мира*» [2, с. 315]. Итак, одно из возможных толкований включения книги в акт приготовления пищи – возвращение к мифопоэтическому отождествлению внутреннего и внешнего. В таком случае book'n grill – это ритуал.

И, наконец, тот смысл, который заложен и в названии книги. Как уже было нами отмечено, Манарага – это название одной из горных вершин, самая величественная среди них. Таким образом, название обращает читателя к таким категориям, как «изысканное», «абсолютное в своем совершенстве», «вершина чего-то». Такой вершиной является книга. В интервью, которое **Владимир Сорокин** дал **Галине Юзефович**, писатель заметил, что одна из причин того, что книга утрачивает свою значимость, является то, что в «*социальных сетях все вдруг почувствовали себя писателями. Визуальные практики и Интернет сильно потеснили книгу*». Выход из этой ситуации он видит в возвращении книге ее уникальности, ценности. Единственный способ выживания для литературы, считает **Владимир Сорокин**, – превратиться в штучное, ручное, архаичное производство [7]. «*Мне кажется, – высказался писатель относительно перспектив книгопечатания, –*

пространство бумажной литературы будет сжиматься и останутся только книги ручной работы». «И они уже, – добавил он, – конечно, будут самоценной вещью» [3]. Исходя из того, что до конца человечество с книгой не расстанется, писатель оставляет будущее только за качественной по своему содержанию литературой, такой книгой, которая будет востребована несмотря на высокую цену, поскольку будет изготовлена в единственном экземпляре, ручным способом. Как и деликатесы, изготавливаемые эксклюзивно.

На первый взгляд, **Владимир Сорокин** в очередной раз эпатировал читающую публику, сделав героем своего романа «Манарага» повара, который готовит еду на огне от редких книг. На самом деле писатель вовлек читателей в решение приобретающей все большую остроту в современном мире электронных технологий проблеме судьбы книги. И выразил убеждение в том, что процессу создания книги, как, впрочем, и ее чтения необходимо вернуть статус высокого искусства. Не менее значимого, чем приготовление изысканной пищи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Банзерук О. В. Структура и функционирование концепта «еда» в повести Н. Гоголя «Старосветские помещики» / О. В. Банзерук // Література та культура Полісся: Зб. науков. праць. Серія «Філологічні науки». – 2015. – Вип. 80. – С.55 – 63;
2. Віват Г. І. Гастрономічні метафори та метонімії в пареміях / Г. І. Віват // Вісник Одеського національного університету. Серія: Філологія. – 2016. – Т. 21. – Вип. 1 (13). – С. 22 – 32;
3. Городнюк Н. Концепт їжа та симпосіональні образи у романі В. Домонтовича «Без ґрунту» / Наталія Городнюк // Наукові записки ТНПУ. Серія: Літературознавство. – 2012. – Вип. 34. – С. 28 – 43;
4. Поповський А. М. Слово «борщ» в ономастичному та апеллятивному контексті / А. М. Поповський // Актуальні проблеми прикладної лінгвістики: Зб. науков. праць. – Одеса: Видавець Букаєв Вадим

Викторович, 2014. – Вып. 1. – С.262 – 276.

5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин; 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.

6. «В России настоящее стало будущим, а будущее слилось с прошлым»: Владимир Сорокин - о своей новой книге «Манарага» [электронный ресурс] // Meduza. – 10 марта 2017 г.; Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/03/10/v-rossii-nastoyaschee-stalo-buduschim-a-budushee-sliilos-s-proshlym>

7. Капелюшник Е. В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры / Е. В. Капелюшник // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2011. – Вып. 345. – С. 11 – 14.

8. Карасев Л. В. Гоголь в тексте / Л. Карасев. – М.: Знак, 2012. – 224 с.

9. Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / Отв. ред. Н. В. Злыднева. – СПб.: Алетейя, 2011. – 560 с.

10. «Постсоветский гротеск уже стал сильнее литературы»: Интервью Владимира Сорокина Галине Юзефович: [электронный ресурс]; Режим доступа: [www.srkn.ru/.../postsovetskii-g. ...-literatury.html](http://www.srkn.ru/.../postsovetskii-g.-...-literatury.html)

11. Сорокин В. Манарага: роман / Владимир Сорокин. – М.: Изд-во АСТ: Corpus, 2017. – 256 с.

12. Толстая Т. Н. Кысь: Роман / Т. Толстая. – М.: Подкова, 2003. – 320 с.

13. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / Холл М. П.; Пер. с англ. и предисл. В. В. Целищева. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1997. – 794 с.

14. Щербинина Ю. Дикта(н)т еды: [электронный ресурс] / Юлия Щербинина // Нева. – 2012. – № 7; Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/neva/2012/7/s17.html>

Валентина Мусій,

д. філол. н., професор

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,

професор кафедри світової літератури

**«МАНАРАГА» В. СОРОКІНА ЯК КНИГА ПРО ПЕРЕВЕДЕННЯ ХАРЧУ
ДУХОВНОГО В ТІЛЕСНИЙ**

Об'єктом роботи є роман " Манарага" сучасного російського письменника, що мешкає нині в Німеччині, Володимира Сорокіна. Розглянутий ряд варіантів інтерпретації мотиву приготування героєм роману їжі на вогні від шедеврів світової літератури. Мета роботи – дослідження авторської концепції. Застосовані мотивний, міфопоетичний, герменевтичний методи дослідження. Зроблено висновок про зв'язок між епатажем і вирішенням проблеми повернення процесу створення і прочитання книги статусу високого мистецтва

Ключові слова: роман, мотив, авторська концепція, міфопоетика, Валентин Сорокін

Valentina Musii,

Doctor in Philology, Professor

Mechnikov Odessa National University,

Professor at the Department of World Literature

**“MANARAGA” BY V.SOROKIN AS A BOOK ABOUT CONVERTING
SPIRITUAL FOOD INTO THE PHYSICAL ONE**

The object of the article is a novel "Manaraga" by the modern Russian writer which leaves now in Germany, Vladimir Sorokin. Main ways to clear the reasons for key in the novel motive of food preparation on the fire from world literature masterpieces are examined. The aim of the article is to research author's conception. Motive, mythopoetic, hermeneutic research methods were used. The

conclusion about solving in the novel the problem of ways to return the process of creation of the book and its reading status of high art was done.

Key words: novel, motive, author's conception, mythopoetic,

Valentin Sorokin